

1910.

Постановка „Братьевъ Карамазовыхъ“.

(Бесѣда съ Вл. И. Немировичемъ-Данченкомъ).

— Основная наша точка была — попытка инсценировать романъ.

Поддерживали меня двѣ мысли: во-первыхъ, то, что никакой театръ, можетъ-быть, такъ, какъ Художественный, не смѣетъ и въ то же время не обязанъ дѣлать такіа попытки.

Другая мысль: у меня все время есть такое чувство, что публика нашего театра требуетъ отъ насъ какой-либо попытки, — и поэтому я какъ бы просилъ благословеніе публики на эту попытку.

Это очень поддерживало и избавляло отъ того естественнаго равнодушія, какое могло насъ охватить, когда мы столкнулись съ трудностями передѣлать романъ для сцены. Поэтому, если наша попытка и не удалась, то я съ спокойнымъ чувствомъ буду смотреть на публику, а если удалась, — буду вмѣстѣ съ ней радоваться.

Первое затрудненіе, съ которымъ мы столкнулись, это — то, что нѣтъ возможности охватить всю фабулу романа. Если бы мы считались съ тѣмъ, что публика романа совершенно не знаетъ, то намъ пришлось бы вводить очень много сценъ, недоступныхъ для инсценировки. Поэтому мы съ самаго начала рѣшили не считаться съ тѣмъ, что публика не знаетъ романа, или, вѣрнѣе, считать, что публика, въ общемъ, романъ знаетъ. Но тутъ же оговорю: въ концѣ-концовъ, оказалось, что даже для незнакомыхъ съ романомъ фабула становилась совершенно понятной изъ отрывковъ.

На пробныхъ генеральныхъ репетиціяхъ я дѣлалъ такой опытъ: вводить лицъ, не читавшихъ романа, и оказывалось, что они получали впечатлѣніе стройной фабулы.

Второе, съ чѣмъ надо было сразу примириться, это то, что театръ не можетъ охватить романа во всемъ объемѣ, прежде всего, по цензурнымъ условіямъ: пришлось отказаться отъ всей первой части монастырской жизни. И отъ дѣтей — это уже не по цензурнымъ условіямъ, а по условіямъ техническимъ, театральнымъ, такъ какъ нѣтъ возможности набрать столько дѣтей, хорошо играющихъ.

Для синтеза романа мы хотѣли поставить послѣднюю главу эпилога — рѣчь Алеши послѣ похоронъ Ильюши. Но пробы ни къ чему не привели: мальчики оказались неудачными исполнителями. Однако, эта мысль не оставалась, и, можетъ-быть, въ концѣ-концовъ, послѣдняя сцена эпилога черезъ нѣкоторое время будетъ поставлена (если удастся найти подходящихъ дѣтей, то придется сдѣлать съ ними около 30-ти репетицій).

Затѣмъ, изъ всего того матеріала, который былъ въ нашихъ рукахъ, мы старались создать картины всѣхъ происходящихъ событій, освѣщенные главнѣйшей идеей романа.

Для того, чтобы подчеркнуть эту идею, у насъ является очень сильнымъ лицомъ чтецъ. Такъ что чтецъ, помимо нѣкоторой служебной роли, становится уже важнымъ участникомъ представленія съ идейной стороны романа.

Поэтому ему поручены даже передъ началомъ обоихъ вечеровъ и передъ вторымъ отдѣленіемъ перваго вечера — двѣ небольшія главы изъ монастырской жизни романа. Эти главы, послѣ большаго хлопотъ, цензурой разрѣшены: послалъ Алехи старцемъ Зосимой въ міръ съ эпиграфомъ «въ горѣ счастье узришь», и послалъ Алехи въ міръ отцомъ Писемъ.

Отъ этихъ главъ какъ бы идетъ идейное освѣщеніе всѣхъ отрывковъ, что всѣ трагическія событія романа происходятъ отъ растерянности людей, или потерявшихъ, или не имѣющихъ въ душѣ Бога. Одни Его не имѣютъ вовсе, и всю жизнь кощунствуютъ и отдаются во власть сладострастія, и гибнутъ какъ звѣри, каковъ самъ Карамазовъ-старикъ. Другіе имѣютъ душу, расположенную къ воспріятію Бога, но временно отдаются во власть дѣва, какъ Митя и Грушенька, и они принимаютъ свою кару бодро и съ духомъ сильнымъ. Третьи — отрицающіе Бога и желающіе создать своего, какъ Иванъ, кончающій трагическимъ безуміемъ, являющійся, между прочимъ, провозвѣстникомъ иппократства. И вотъ, среди такихъ растеряныхъ людей ходитъ крѣпкій, послушный Божьему слову, Алехи.

Вотъ основная идея, которая, кажется, очень стройно проводится черезъ оба вечера. Она проходитъ даже черезъ такіа фигуры, какъ Смердяковъ, Лизе, Хохлакова.

Мы брали главы цѣликомъ, ничего не вставляли и только подвергая купюрамъ постольку, поскольку сцена имѣетъ средство сжать текстъ романа.

— Средство и, вѣроятно, необходимость?

— Нѣтъ, и тутъ вотъ что любопытное происходило: сначала я боялся, что многое для сцены будетъ слишкомъ длинно, и сокращалъ довольно много. Но во время репетицій оказывалось психологически необходимымъ возстановливать сдѣланные купюры. И актеры съ своей сценической точки зрѣнія не чувствовали замедляющихъ длиннотъ.

— Много ли отведено мѣста чтецу?

— Нѣтъ. Но мы нашли даже пассивное обаяніе въ его участіи, и это скажется въ нѣкоторыхъ картинахъ.

Между прочимъ, въ первый разъ разрѣшенъ въ Россіи на сценѣ уголовный судъ. Но министръ юстиціи разрѣшилъ

съ условіемъ отсутствія председателя, — и вотъ тутъ-то чтець помогъ намъ выйти изъ этого затрудненія очень ловко и даже красиво.

Какое впечатлѣніе произведетъ все представленіе на полный зрительный залъ, — угадать нельзя, даже когда работа закончена.

Но вотъ что замѣчательно: въ теченіе громаднѣйшаго количества репетицій, — ихъ было 190, — я не помню ни одного получаса, когда почувствовалась бы та скука, которая бываетъ при репетиціяхъ почти каждой пьесы!

Это, конечно, объясняется гениальностью психологій и языка.

Достоевскій даетъ такіа громадныя внутреннія задачи актерамъ, что одно стремленіе подойти къ этимъ задачамъ все время наполняло ихъ творческой радостью.

Можетъ-быть, оттого было такъ много репетицій, что хотя у кажда дѣйствующаго лица не болѣе трехъ-четырехъ картинъ, но въ результатъ это оказались громадныя роли. Конечно, такое количество репетицій объясняется еще тѣмъ, что мы стремились къ наибольшей простотѣ переживаній.

Въ этомъ смыслѣ Достоевскій далъ превосходнѣйшую школу для артистовъ. Эта простота предъявляла такіа строгія требованія, что намъ уже не хотѣлось прибѣгать ни къ какимъ внѣшнимъ трюкамъ и украшеніямъ.

Поэтому и во всей внѣшней части представленія, можетъ-быть, мы довели нашу простоту до суровости, избѣгая орнаментовъ.

Это будетъ видно сразу изъ всей обстановки спектакля: всѣ отрывки идутъ безъ декораций на безразличномъ фонѣ. Все вниманіе художниковъ было устремлено на красочныя пятна и гармонію цвѣтовъ въ подборѣ бутафоріи, костюмовъ и освѣщенія.

У меня есть вѣра въ то, что наша публика находится на такой высотѣ литературныхъ вкусовъ, что въ подобныхъ этой инсценировкѣ романа вечерахъ она не будетъ нуждаться во внѣшнихъ выдумкахъ для забавы.

Есть тутъ еще одна очень смѣлая попытка.

Это глава: «Коммаръ Ивана Федоровича и чортъ».

Эта глава, можетъ-быть, совершенно недоступна для инсценировки. Но попытка такъ интересна съ чисто актерской точки зрѣнія, такъ интересна задача расширить, если такъ можно выразиться, полномочія актера, что попытка сама по себѣ представляетъ эстетическій интересъ, тѣмъ болѣе въ рукахъ такого популярнаго актера, какъ Качаловъ.

Вообще, съ точки зрѣнія внутренней жизни нашего театра эта работа даетъ очень большой матеріалъ для принципиальныхъ разсужденій.

Ни одна сцена не идетъ болѣе получаса, за исключеніемъ «Мокраго». Тутъ соединены 7 главъ, и картина идетъ около полутора часа. Но зато она представляется однимъ изъ самыхъ богатыхъ сценическихъ актовъ, какіе я только знаю, по смѣлѣ громаднѣхъ впечатлѣній.

Первый вечеръ немножко длиннѣе второго, — первый кончится между 12-ю и часомъ, второй — около половины двѣнадцатаго.

Есть двѣ картины Снегирева, которыя и въ романѣ являются эпизодами.

Но онѣ такъ характерны для Достоевскаго, что нельзя было отъ нихъ отказаться.

С. С.